Святая Елизавета.

Так случилось, что в путах атеизма азъ прожил 33 года. Но пришло время, и Господь призвал к Себе, в Его Церковь. И самой первой, кого азъ встретил по пути в Храм, была именно великая княгиня Елизавета Феодоровна. О ее жизни азъ узнал в полноте из книги Л. Миллер… И тогда в моем помяннике первыми были именно она со своим мужем и царская семья… С 15 лет азъ прожил как в гостях у Константиновичей (по линии Константина Николаевича Романова – адмирала Русскаго флота). В Константиновском Дворце Стрельны (Санкт-Петербург). Потому стихотворение великаго князя Константина Константиновича, посвященное именно великой княгине Елизавете Феодоровне, мне сразу стало очень дорого… Потом был и у меня свой Урал, обагренной кровью новомучеников… В том числе и сыновей Константина…Потом был и Дармштадт…и вновь: Санкт-Петербург, который строили и мои предки по указу Государя царя Петра Перваго…И наконец: Иерусалим…Гефсимания…храм святой равноапостольной Марии Магдалины….

Следующее жизнеописание святой Елизаветы взято из разных редакций, найденных в интернете:

«Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна (официально в России — Елисавета Феодоровна) родилась 20 октября (1 ноября) 1864 в Германии, в городе Дармштадт. Она была вторым ребенком в семье великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери **королевы английской**

Виктории. Еще одна дочь этой четы (Алиса) станет впоследствии императрицей Российской Александрой Федоровной.
Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому порядку, установленному матерью. Детская одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли свою домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елизавета Федоровна говорила: «В доме меня научили всему». Мать внимательно следила за талантами и наклонностями каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей, вложить в сердца любовь к ближним, особенно к страждущим. Родители Елизаветы Федоровны раздали большую часть своего состояния на благотворительные нужды, а дети постоянно ездили с матерью в госпитали, приюты, дома для инвалидов, принося с собой большие букеты цветов, ставили их в вазы, разносили по палатам больных.
Елизавета с детства любила природу и особенно цветы, которые увлеченно рисовала. У нее был живописный дар, и всю жизнь она много времени уделяла этому занятию. Любила классическую музыку. Все, знавшие Елизавету с детства, отмечали ее религиозность и любовь к ближним. Как говорила впоследствии сама Елизавета Федоровна, на нее еще в самой ранней юности имели огромное влияние жизнь и подвиги святой её дальней родственницы Елизаветы Тюрингенской, в честь которой она носила свое имя.
В 1873 году разбился насмерть на глазах у матери трехлетний брат Елизаветы Фридрих. В 1876 г. в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елизаветы. Мать просиживала ночами у постелей заболевших детей. Вскоре умерла четырехлетняя Мария, а вслед за ней заболела и умерла сама великая герцогиня Алиса в возрасте 35 лет.
В тот год закончилась для Елизаветы пора детства. Горе усилило ее молитвы. Она поняла, что жизнь на земле — путь Креста. Ребенок всеми силами старался облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни принцесса Елизавета стала невестой великого князя Сергея Александровича, пятого сына императора Александра II, брата императора Александра III. Она познакомилась с будущим супругом в детстве, когда он приезжал в Германию со своей матерью, императрицей Марией Александровной, также происходившей из Гессенского дома. До этого все претенденты на ее руку получали отказ: принцесса Елизавета в юности дала обет хранить девственность всю жизнь. После откровенной беседы ее с Сергеем Александровичем выяснилось, что он тайно дал такой же обет. По взаимному согласию брак их был духовным, они жили как брат с сестрой.
Вся семья сопровождала принцессу Елизавету на свадьбу в Россию. Вместо с ней приехала и двенадцатилетняя сестра Алиса, которая встретила здесь своего будущего супруга, цесаревича Николая Александровича.

Венчание состоялось в церкви Большого дворца Санкт-Петербурга по православному обряду, а после него и по протестантскому в одной из гостиных дворца. Великая княгиня напряженно занималась русским языком, желая глубже изучить культуру и особенно веру новой своей родины.

Великая княгиня Елизавета была ослепительно красива. В те времена говорили, что в Европе есть только две красавицы, и обе — Елизаветы: Елизавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елизавета Федоровна.

Большую часть года великая княгиня жила с супругом в их имении Ильинское, в шестидесяти километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком, строго соблюдал все церковные каноны, посты, часто ходил на службы, ездил в монастыри — великая княгиня везде следовала за мужем и простаивала долгие церковные службы. Здесь она испытывала удивительное чувство, так непохожее на то, что встречала в протестантской кирхе.

Елизавета Федоровна твердо решила перейти в православие. От этого шага ее удерживал страх причинить боль своим родным, и прежде всего, отцу. Наконец, 1 января 1891 года она написала отцу письмо о своем решении, прося о короткой телеграммы благословении.

Отец не послал дочери желаемой телеграммы с благословением, а написал письмо, в котором говорил что решение ее приносит ему боль и страдание, и он не может дать благословения. Тогда Елизавета Федоровна проявила мужество и, несмотря на моральные страдания твердо решила перейти в православие. 13 (25) апреля, в Лазареву субботу, было совершено таинство миропомазания

великой княгини Елизаветы Федоровны с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елизаветы — матери святого Иоанна Предтечи, память которой Православная церковь совершает 5 (18) сентября.
В 1891 году император Александр III назначил великого князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором. Супруга генерал-губернатора должна была исполнять множество обязанностей — шли постоянные приемы, концерты, балы. Необходимо было улыбаться и кланяться гостям, танцевать и вести беседы независимо от настроения, состояния здоровья и желания. Жители Москвы скоро оценили ее милосердное сердце. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для беспризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.
В 1894 году, после многих препятствий состоялось решение о помолвке великой княгини Алисы с наследником Российского престола Николаем Александровичем. Елизавета Федоровна радовалась тому, что молодые влюбленные смогут, наконец, соединиться, и ее сестра будет жить в дорогой ее сердцу России. Принцессе Алисе было 22 года и Елизавета Федоровна надеялась, что сестра, живя в России, поймет и полюбит русский народ, овладеет русским языком в совершенстве и сможет подготовиться к высокому служению императрицы Российской.
Но все случилось по-иному. Невеста наследника прибыла в Россию, когда император Александр III лежал в предсмертной болезни. 20 октября 1894 года император скончался. На следующий день принцесса Алиса перешла в православие с именем Александры. Бракосочетание императора Николая II и Александры Федоровны состоялось через неделю после похорон, а весной 1896 года состоялось коронование в Москве. Торжества омрачились страшным бедствием: на Ходынском поле, где раздавались подарки народу, началась давка — тысячи людей были ранены или задавлены.

Когда началась русско-японская война, Елизавета Федоровна немедленно занялась организацией помощи фронту. Одним из ее замечательных начинаний было устройство мастерских для помощи солдатам — под них были заняты все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного. Тысячи женщин трудились над швейными машинами и рабочими столами. Огромные пожертвования поступали со всей Москвы и из провинции. Отсюда шли на фронт тюки с продовольствием, обмундированием, медикаментами и подарками для солдат. Великая княгиня отправляла на фронт походные церкви с иконами и всем необходимым для совершения богослужения. Лично от себя посылала Евангелия, иконки и молитвенники. На свои средства великая княгиня сформировала несколько санитарных поездов.
В Москве она устроила госпиталь для раненых, создала специальные комитеты по обеспечению вдов и сирот погибших на фронте. Но русские войска терпели одно поражение за другим. Война показала техническую и военную неподготовленность России, недостатки государственного управления. Началось сведение счетов за былые обиды произвола или несправедливости, небывалый размах террористических актов, митинги, забастовки. Государственный и общественный порядок разваливался, надвигалась революция.
Сергей Александрович считал, что необходимо принять более жесткие меры по отношению к революционерам и доложил об этом императору, сказав, что при сложившейся ситуации не может больше занимать должность генерал-губернатора

Москвы. Государь принял отставку и супруги покинули губернаторский дом, переехав временно в Нескучное.
Тем временем боевая организация эсеров приговорила великого князя Сергея Александровича к смерти. Ее агенты следили за ним, выжидая удобного случая, чтобы совершить казнь. Елизавета Федоровна знала, что супругу угрожает смертельная опасность. В анонимных письмах ее предупреждали, чтобы она не сопровождала своего мужа, если не хочет разделить его участь. Великая княгиня тем более старалась не оставлять его одного и, по возможности, повсюду сопровождала супруга.

5 (18) февраля 1905 года Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым. Когда Елизавета Федоровна прибыла к месту взрыва, там уже собралась толпа. Кто-то попытался помешать ей подойти к останкам супруга, но она своими руками собрала на носилки разбросанные взрывом куски тела мужа.
На третий день после смерти мужа Елизавета Федоровна поехала в тюрьму, где содержался убийца. Каляев сказал: «Я не хотел убивать вас, я видел его несколько раз и то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть».
- «И вы не сообразили того, что вы убили меня вместе с ним?» — ответила она. Далее она сказала, что принесла прощение от Сергея Александровича и просила его покаяться. Но он отказался. Все же Елизавета Федоровна оставила в камере Евангелие и маленькую иконку, надеясь на чудо. Выходя из тюрьмы, она сказала: «Моя попытка оказалась безрезультатной, хотя, кто знает, возможно, что в последнюю минуту он осознает свой грех и раскается в нем». Великая княгиня просила императора Николая II о помиловании Каляева, но это прошение было отклонено.
С момента кончины супруга Елизавета Федоровна не снимала траур, стала держать строгий пост, много молилась. Ее спальня в Николаевском дворце стала

напоминать монашескую келью. Вся роскошная мебель была вынесена, стены перекрашены в белый цвет, на них находились только иконы и картины духовного содержания. На светских приемах она не появлялась. Бывала только в храме на бракосочетаниях или крестинах родственников и друзей и сразу уходила домой или по делам. Теперь ее ничто не связывало со светской жизнью.

Она собрала все свои драгоценности, часть отдала казне, часть — родственникам, а остальное решила употребить на постройку обители милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елизавета Федоровна приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом. В самом большом двухэтажном доме расположились столовая для сестер, кухня и другие хозяйственные помещения, во втором — церковь и больница, рядом — аптека и амбулатория для приходящих больных. В четвертом доме находилась квартира для священника — духовника обители, классы школы для девочек приюта и библиотека.

10 февраля 1909 года великая княгиня, собрала 17 сестер основанной ею обители, сняла траурное платье, облачилась в монашеское одеяние и сказала: «Я оставлю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — в мир бедных и страдающих».

День в Марфо-Мариинской обители начинался в 6 часов утра. После общего утреннего молитвенного правила. В больничном храме великая княгиня давала послушания сестрам на предстоящий день. Свободные от послушания оставались в храме, где начиналась Божественная Литургия. Дневная трапеза проходила с чтением житий святых. В 5 часов вечера в церкви служили вечерню с утреней, где присутствовали все свободные от послушании сестры. Под праздники и воскресение совершалось всенощное бдение. В 9 часов вечера в больничном храме читалось вечернее правило, после него все сестры, получив благословение настоятельницы, расходились по кельям. Четыре раза в неделю за вечерней читались акафисты: в воскресенье — Спасителю, в понедельник — архангелу Михаилу и всем Бесплотным Небесным Силам, в среду — святым женам-мироносицам Марфе и Марии, и в пятницу — Божией Матери или Страстям Христовым. В часовне, сооруженной в конце сада, читалась Псалтирь по покойникам. Часто ночами молилась там сама настоятельница. Внутренней жизнью сестер руководил замечательный священник и пастырь — духовник обители, протоирей Митрофан Серебрянский. Дважды в неделю он проводил беседы с сестрами. Кроме того, сестры могли ежедневно в определенные часы приходить за советом и наставлением к духовнику или к настоятельнице. Великая княгиня вместе с отцом Митрофаном учила сестер не только медицинским знаниям, но и духовному наставлению опустившихся, заблудших и отчаявшихся людей. Каждое воскресенье после вечерней службы в соборе Покрова Божией Матери устраивались беседы для народа с общим пением молитв. Богослужение в обители всегда стояло на блистательной высоте благодаря исключительным по своим пастырским достоинствам духовнику, избранному настоятельницей. Сюда приходили для совершения богослужений и проповедования лучшие пастыри и проповедники не только Москвы, но и многих отдаленных мест России. Как пчела собирала настоятельница нектар со всех цветов,чтобы люди ощутили особый аромат духовности. Обитель, ее храмы и богослужение вызывали восхищение современников. Этому способствовали не только храмы обители, но и прекрасный парк с оранжереями — в лучших традициях садового искусства XVIII — XIX века. Это был единый ансамбль, соединявший гармонично внешнюю и внутреннюю красоту.

Современница великой княгини — Нонна Грэйтон, фрейлина ее родственницы принцессы Виктории, свидетельствует: «Она обладала замечательным качеством — видеть хорошее и настоящее в людях, и старалась это выявлять. Она также совсем не имела высокого мнения о своих качествах ... У нее никогда не было слов «не могу», и никогда ничего не было унылого в жизни Марфо-Мариинской обители. Все было там совершенно как внутри, так и снаружи. И кто бывал там, уносил прекрасное чувство».

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня вела жизнь подвижницы. Спала на деревянной кровати без матраца. Строго соблюдала посты, вкушая только растительную пищу. Утром вставала на молитву, после чего распределяла послушания сестрам, работала в клинике, принимала посетителей, разбирала прошения и письма.

Вечером, — обход больных, заканчивающийся за полночь. Ночью она молилась в молельне или в церкви, ее сон редко продолжался более трех часов. Когда больной метался и нуждался в помощи, она просиживала у его постели до рассвета. В больнице Елизавета Федоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, находила слова утешения, стремилась облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции.

В качестве главного средства от недугов настоятельница всегда предлагала исповедь и причастие. Она говорили: «Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность».

Сестры обители проходили курс обучения медицинским знаниям. Главной их задачей было посещение больных, бедных, брошенных детей, оказание им медицинской, материальной и моральной помощи.

В больнице обители работали лучшие специалисты Москвы, все операции проводились бесплатно. Здесь исцелялись те, от кого отказывались врачи. Исцеленные пациенты плакали, уходя из Марфо-Мариинской больницы, расставаясь с «великой матушкой», как они называли настоятельницу. При обители работала воскресная школа для работниц фабрики. Любой желающий мог пользоваться фондами прекрасной библиотеки. Действовала бесплатная столовая для бедных.

Настоятельница Марфо-Мариинской обители считала, что главное все же не больница, а помощь бедным и нуждающимся. Обитель получала до 12000 прошений в год. О чем только ни просили: устроить на лечение, найти работу, присмотреть за детьми, ухаживать за лежачими больными, отправить на учебу за границу.

Она находила возможности для помощи духовенству — давала средства на нужды бедных сельских приходов, которые не могли отремонтировать храм или построить новый. Она ободряла, укрепляла, помогала материально священникам — миссионерам, трудившимся среди язычников крайнего севера или инородцев окраин России.

Одним из главных мест бедности, которому великая княгиня уделяла особое внимание, был Хитров рынок. Елизавета Федоровна в сопровождении своей келейницы Варвары Яковлевой или сестры обители княжны Марии Оболенской, неутомимо переходя от одного притона к другому, собирала сирот и уговаривала родителей отдать ей на воспитание детей. Все население Хитрова уважало ее,

называя «сестрой Елисаветой» или «матушкой». Полиция постоянно предупреждала ее, что не в состоянии гарантировать ей безопасность.
В ответ на это великая княгиня всегда благодарила полицию за заботу и говорила, что ее жизнь не в их руках, а в руках Божиих. Она старалась спасать детей Хитровки. Ее не пугали нечистота, брань, потерявший человеческий облик лица. Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено».
Мальчиков, вырванных из Хитровки, она устраивала в общежития. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных посыльных Москвы. Девочек устраивала в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем, духовным и физическим.
Елизавета Федоровна организовала дома призрения для сирот, инвалидов, тяжело больных, находила время для посещения их, постоянно поддерживала материально, привозила подарки. Рассказывают такой случай: однажды великая княгиня должна была приехать в приют для маленьких сирот. Все готовились достойно встретить свою благодетельницу. Девочкам сказали, что приедет великая княгиня: нужно будет поздороваться с ней и поцеловать ручки. Когда Елизавета Федоровна приехала — ее встретили малютки в белых платьицах. Они дружно поздоровались и все протянули свои ручки великой княгине со словами: «целуйте ручки». Воспитательницы ужаснулись: что же будет. Но великая княгиня подошла к каждой из девочек и всем поцеловала ручки. Плакали при этом все — такое умиление и благоговение было на лицах и в сердцах. «Великая матушка» надеялась, что созданная ею Марфо-Мариинская обитель Милосердия расцветет большим плодоносным древом. Со временем она собиралась устроить отделения обители и в других городах России.
Великой княгине была присуща исконно русская любовь к паломничеству. Не раз ездила она в Саров и с радостью спешила в храм, чтобы помолиться у раки преподобного Серафима. Ездила она во Псков, в Оптину пустынь, в Зосимову пустынь, была в Соловецком монастыре. Посещала и самые маленькие монастыри в захолустных и отдаленных местах России. Присутствовала на всех духовных торжествах, связанных с открытием или перенесением мощей угодников Божиих. Больным паломникам, ожидавшим исцеления от новопрославляемых святых, великая княгиня тайно помогала, ухаживала за ними. В 1914 году она посетила монастырь в Алапаевске, которому суждено было стать местом ее заточения и мученической смерти. Она была покровительницей русских паломников, отправлявшихся в Иерусалим. Через общества организованные ею, покрывалась стоимость билетов паломников, плывущих из Одессы в Яффу. Она построила также большую гостиницу в Иерусалиме. Еще одно славное деяние великой княгини — постройка русского православного храма в Италии, в городе Бари, где покоятся мощи святителя Николая Мир Ликийского. В 1914 году был освящен нижний храм в честь святителя Николая и странноприимный дом.
В годы первой мировой войны трудов у великой княгини прибавилось: необходимо было ухаживать за ранеными в лазаретах. Часть сестер обители была отпущена для работы в полевом госпитале. Первое время Елизавета Федоровна, побуждаемая христианским чувством, навещала и пленных немцев, но клевета о тайной поддержке противника заставила ее отказаться от этого.
В 1916 году к воротам обители подошла разъяренная толпа с требованием выдать германского шпиона — брата Елизаветы Федоровны, якобы скрывавшегося в

обители. Настоятельница вышла к толпе одна и предложила осмотреть все помещения общины. Конный отряд полиции разогнал толпу.
Вскоре после Февральской революции к обители снова подошла толпа с винтовками, красными флагами и бантами. Сама настоятельница открыла ворота — ей объявили, что приехали, чтобы арестовать ее и предать суду как немецкую шпионку, к тому же хранящую в монастыре оружие.
На требование пришедших немедленно ехать с ними, великая княгиня сказала, что должна сделать распоряжения и проститься с сестрами. Настоятельница собрала всех сестер в обители и попросила отца Митрофана служить молебен. Потом, обратясь к революционерам, пригласила войти их в церковь, но оставить оружие у входа. Они нехотя сняли винтовки и последовали в храм.
Весь молебен Елизавета Федоровна простояла на коленях. После окончания службы она сказала, что отец Митрофан покажет им все постройки обители, и они могут искать то, что хотят найти. Конечно, ничего там не нашли, кроме келий сестер и госпиталя с больными. После ухода толпы Елизавета Федоровна сказала сестрам: «Очевидно мы недостойны еще мученического венца».
Весной 1917 года к ней приехал шведский министр по поручению кайзера Вильгельма и предложил ей помощь в выезде за границу. Елизавета Федоровна ответила, что решила разделить судьбу страны, которую считает своей новой родиной и не может оставить сестер обители в это трудное время.
Никогда не было за богослужением в обители столько народа как перед октябрьским переворотом. Шли не только за тарелкой супа или медицинской помощью, сколько за утешением и советом «великой матушки». Елизавета Федоровна всех принимала, выслушивала, укрепляла. Люди уходили от нее умиротворенными и ободренными.
Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Напротив, сестрам оказывали уважение, два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с продовольствием: черный хлеб, вяленая рыба, овощи, немного жиров и сахара. Из медикаментов выдавали в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.
Но все вокруг были напуганы, покровители и состоятельные дарители теперь боялись оказывать помощь обители. Великая княгиня во избежание провокации не выходила за ворота, сестрам также было запрещено выходить на улицу. Однако установленный распорядок дня обители не менялся, только длиннее стали службы, горячее молитва сестер. Отец Митрофан каждый день служил в переполненной церкви Божественную Литургию, было много причастников. Некоторое время в обители находилась чудотворная икона Божией Матери Державная, обретенная в подмосковном селе Коломенском в день отречения императора Николая П от престола. Перед иконой совершались соборные моления.
После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елизаветы Федоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с великой княгиней, но она не приняла его и категорически отказалась уехать из России. Она говорила: «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!»
Спокойствие в обители было затишьем перед бурей. Сначала прислали анкеты — опросные листы для тех, кто проживал и находился на лечении: имя, фамилия, возраст, социальное происхождение и т.д. После этого были арестованы несколько человек из больницы. Затем объявили, что сирот переведут в детский дом. В апреле 1918 года, на третий день Пасхи, когда Церковь празднует память Иверской

иконы Божией Матери, Елизавету Федоровну арестовали и немедленно вывезли из Москвы. В этот день святейший патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил Божественную Литургию и молебен. После службы патриарх до четырех часов дня находился в обители, беседовал с настоятельницей и сестрами. Это было последней благословение и напутствие главы Российской Православной Церкви перед крестным путем великой княгини на Голгофу.
Почти сразу после отъезда патриарха Тихона к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами-латышами. Елизавете Федоровне приказали ехать с ними. На сборы дали полчаса. Настоятельница успела лишь собрать сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им последнее благословение. Плакали все присутствующие, зная, что видят свою мать и настоятельницу в последний раз. Елизавета Федоровна благодарила сестер за самоотверженность и верность и просила отца Митрофана не оставлять обители и служить в ней до тех пор, пока это будет возможным.
С великой княгиней поехали две сестры — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Перед тем, как сесть в машину, настоятельница осенила всех крестным знамением.
Узнав о случившемся, патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения великой княгини. Но старания его оказались тщетными. Все члены императорского дома были обречены.
Елизавету Федоровну и ее спутниц направили по железной дороге в Пермь. Последние месяцы своей жизни великая княгиня провела в заключении, в школе, на окраине города Алапаевска, вместе с великим князем Сергеем Михайловичем (младшим сыном великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II), его секретарем — Федором Михайловичем Ремезом, тремя братьями — Иоанном, Константином и Игорем (сыновьями великого князя Константина Константиновича) и князем Владимиром Палеем (сыном великого князя Павла Александровича). Конец был близок. Матушка-настоятельница готовилась к этому исходу, посвящая все время молитве.
Сестер, сопровождающих свою настоятельницу, привезли в Областной совет и предложили отпустить на свободу. Обе умоляли вернуть их к великой княгине, тогда чекисты стали пугать их пытками и мучениями, которые предстоят всем, кто останется с ней. Варвара Яковлева сказала, что готова дать подписку даже своей кровью, что желает разделить судьбу с великой княгиней. Так крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева сделала свой выбор и присоединилась к узникам, ожидавшим решения своей участи.

Глубокой ночью 5 (18) июля 1918 г., в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, великую княгиню Елизавету Федоровну вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. Когда озверевшие палачи сталкивали великую княгиню в черную яму, она произносила молитву: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят». Затем чекисты начали бросать в шахту ручные гранаты. Один из крестьян, бывший свидетелем убийства, говорил, что из глубины шахты слышалось пение Херувимской. Ее пели новомученики Российские перед переходом в вечность. Скончались они в страшных страданиях, от жажды, голода и ран.

Великая княгиня упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело Иоанна Константиновича с перевязанной головой. Вся переломанная, с сильнейшими ушибами, она и здесь стремилась облегчить страдания ближнего. Пальцы правой руки великой княгини и инокини Варвары оказались сложенными для крестного знамения. Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании.»

Письмо великой княгини Елизаветы Феодоровны своему отцу. В назидание и вразумление всех католиков, протестантов, лютеран и иных, находящихся в ересях по-прежнему…:

О принятии Православия Елизавета Федоровна думала с тех пор, как стала супругой великого князя Сергея Александровича. Но немецкая принцесса переживала, что этот шаг будет ударом для ее семьи, верной протестантизму. Особенно для отца, великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV. Только в 1891 году княгиня написала отцу письмо:

« … Дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение. Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз — более полутора лет назад. Я все время думала и читала, и молилась Богу — указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг, и что надо быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставляю Вам боль. Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа? Вы, знаете меня так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что пред Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто — оставаться так, как теперь, но, тогда как лицемерно, как фальшиво это бы было, и как я могу лгать всем — притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии здесь. Я думала и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более 6 лет, и зная, что религия «найдена». Я так сильно желаю на Пасху причаститься Св. Тайн вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне это не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».